

— Теперь твоя очередь ловить меня! Считай до десяти тысяч! — захихикал Фан Юй.

Тоба Фэн, прикрыв глаза руками, уткнулся лбом в стену и начал считать:

— Девять тысяч девятьсот девяносто девять... Девять тысяч девятьсот...

Фан Юй огляделся по сторонам и, подобрав полы одежд, юркнул в пустой чан для воды, стоящий во внешнем дворе.

Сверху, с чердака, донеслись яростный рёв Чжу Ди и громкий смех Фан Сяожу. Тоба Фэн насторожился. Обернувшись, он одной рукой выхватил деревянный меч за спиной и уже собирался войти внутрь, как вдруг увидел, что Юньци, спотыкаясь и кувыркаясь, сбегает вниз по лестнице.

Фан Сяожу то рыдал, то заходился смехом, сидя на чердаке с всклокоченными волосами, словно умалишенный.

— Знаешь, почему умерла твоя жена?! Это ты, Янь-ван, собственными руками убил ее!

Юньци, прикрывая Чжу Ди, поспешно вышел из главного двора, и в этот миг сердце его пробрал холод. Чжу Ди остановился, перевел дыхание и, повернувшись, устремил взгляд на ученого на втором этаже.

Фан Сяожу, в голосе которого всхлипы смешались со смехом, протяжно воскликнул:

— Миллионы простолюдинов Поднебесной из-за одной твоей роковой ошибки лишились крова, семьи и жизней — Янь-ван, познал ли ты на собственной шкуре боль утраты жены?! Грехи убийств, что ты совершил, обрушились на тело Ванфэй Сюй. Это ты убил её! Предки твоего рода Чжу точно не обретут покоя в подземном мире!

— Это ты убил её!

— Замолчи! — крикнул Юньци.

Чжу Ди оттолкнул подошедшего к нему Тоба Фэна и медленно произнёс:

— Охраняй дом семьи Фан. Никого не впускать и не выпускать.

Чжу Ди ушел, а Юньци поднялся в императорскую карету. Перед отъездом он обменялся с Тоба Фэном взглядом.

Мимолетно переглянувшись, они поняли друг друга без слов. Тоба Фэн мгновенно уловил мысль Юньци.

Юньци опустил занавеску кареты, в то время как сотни телохранителей схватились за рукояти мечей и хлынули в передний двор резиденции семьи Фан, громко приказывая:

— Никому не двигаться! Всем пройти в комнаты!

Фан Юй из любопытства приподнял деревянную крышку чана и высунул свои сияющие чёрные глазки, чтобы посмотреть наружу, но Тоба Фэн положил деревянный меч «Семь звёзд» на чан, прижав крышку обратно.

— Вы идите в задний двор искать его сына, а вы, несколько человек, охраняйте второй этаж. Не дайте ему спрыгнуть вниз, — распорядился Тоба Фэн.

Стражники в переднем дворе разошлись. Тоба Фэн вытащил Фан Юя из чана для воды и тихо сказал:

— Жди меня у входа в нефритовую лавку напротив. Потом продолжим играть, не шуми.

Фан Юй, будто что-то понимая, а будто и нет, убежал.

Спустя некоторое время Тоба Фэн нашёл предлог покинуть усадьбу семьи Фан и, посадив Фан Юя на спину, прошёл через переулок Уи, напевая себе под нос:

— Пельмени с луком и мясом... любит ли их Юньци?..

Фан Юй с любопытством спросил:

— Юньци?

Тоба Фэн что-то промычал в ответ. Купив у выхода из переулочка кунжутных конфет, он спрятал их за пазуху.

— Это не для тебя, — Тоба Фэн бросил взгляд на Фан Юя и добавил: — Отойди.

Фан Юй надул губы, и Тоба Фэну пришлось купить для него ещё один кусочек. Взяв мальчика за руку, он провёл его через ворота Терема Танцующего Дыма.

— Айо, разве это не господин командующий? Какой редкий гость!

Изначально сидевшие или прислонившиеся девушки, игравшие на цине в цветочном зале, все сразу оживились и одна за другой подошли ближе.

Лицо Тоба Фэна слегка залилось краской, и он смущённо произнёс:

— Я пришел сюда не для развлечений, я ищу Чунь Лань.

Девушки мгновенно разбежались, как стая птиц, и наблюдали, как Тоба Фэн уводит Фан Юя на второй этаж.

Чжу Ди с покрасневшими глазами сидел на краю кровати, безучастно глядя за пределы зала. Евнухи вокруг него суетились, одни набирали воду, другие полоскали полотенце. Только когда вынесли целый таз с кровавой водой, рана на ухе Чжу Ди наконец начала бледнеть.

— Оставьте прислуживать Саньбао, все остальные могут идти, — распорядился Юньци. Протянув руку к холщовому мешку, лежащему на столе, он вытащил иглу и добавил: — Саньбао, принеси вина.

— Продень нитку.

Юньци слегка согнул серебряную иглу и подержал её немного над посудой с огнем. Саньбао поднёс флягу с вином, и Чжу Ди, не глядя, взял и сделал из нее глоток.

— Это не для питья, — не зная, плакать или смеяться, Юньци выхватил флягу, набрал в рот и брызнул на лицо Чжу Ди сбоку.

Крепкое вино впиталось в рану Чжу Ди, и он тут же втянул холодный воздух. Юньци поспешно надавил на его плечо и сказал:

— Потерпи.

Одной рукой Юньци нажал на точку под ухом Чжу Ди, а другой начал сшивать его полуоторванное ухо.

Чжу Ди стиснул зубы, крепко ухватившись за локоть Юньци, а мужчина тихо проговорил:

— Не больно. Скоро закончим, Ваше Величество, не двигайтесь.

Рука Юньци, держащая иглу, совершенно не дрожала. В мгновение ока, взмах за взмахом, он зашил ухо Чжу Ди у самого основания. Завершив шов, Юньци удерживал кончик иглы, опасаясь, что соприкосновение раны с железом вызовет заражение. Он приблизился и, слегка

потянув нить, перекусил ее зубами. Его губы коснулись щеки Чжу Ди, и нитка оборвалась.

Чжу Ди всё ещё ощущал тепло дыхания Юньци у своего уха и в этот момент повернул голову. В глазах Юньци отразилась полная растерянность, когда он спросил:

— Теперь лучше?

Чжу Ди нахмурился, поднял руку и помахал ею перед лицом Юньци. Тот закрыл глаза, покачал головой, а когда открыл их снова, его взгляд прояснился, и он улыбнулся:

— Всё ещё больно? Рану нельзя мочить водой.

После того, как временная слепота Юньци прошла, он заметил лишь, что Чжу Ди сидит чрезвычайно близко к нему, и их губы почти соприкоснулись. Он смущённо отвернулся.

Чжу Ди тяжело вздохнул и медленно проговорил:

— Юньци...

Сердце Юньци сжалось от боли. Он понимал, о чём думал Чжу Ди — о Сюй Вэнь, и утешил его:

— Государь, не стоит опускаться до его... уровня.

— Чжэнь подвел её... в тот день, когда она умерла, чжэнь ещё с ней поссорился... Юньци...

Слёзы ручьем хлынули по лицу Чжу Ди. Он сидел на императорском ложе и рыдал во весь голос. В его облике не осталось и тени прежнего сумасбродного князя — лишь юноши, потерявшего возлюбленную и разрывающегося от горя.

Постепенно смеркалось. Чжу Ди лежал на боку на императорском ложе, положив голову на бедро Юньци, и тихо, с закрытыми глазами, шептал:

— Вэнь-эр... я отвезу тебя назад, в Пекин...

Юньци вздохнул. Осторожно раздвинув пряди волос на висках Чжу Ди, он обнажил его только что зашитое ухо.

В волосах Чжу Ди уже мелькала седина, однако его глаза и брови оставались такими же, какими Юньци их запомнил при первой встрече. Впервые Юньци увидел Чжу Ди таким уязвимым. Раньше он думал, что бунтарская натура Чжу Ди не позволит ему пасть ни перед какими невзгодами.

В худшем случае он лишь хихикнет, перестанет сопротивляться и просто прикроет собой стоящих позади Сюй Вэнь и Юньци, позволяя другим избивать и ругать себя — это было чувство защищенности, граничащее с нахальством.

Чжу Ди уснул.

Его брови, всё время сведённые с момента восшествия на престол, наконец постепенно расслабились.

Юньци внимательно оглядел его, вспомнив, как придворные летописцы допытывались о происхождении Чжу Ди. Говорят, его матерью была одна из корейских наложниц Чжу Юаньчжана?

У корейцев обычно очень хорошая кожа. Чжу Ди унаследовал от матери лишь её светлый оттенок кожи, однако характером он был как две капли воды похож на Чжу Юаньчжана.

Юньци очнулся от раздумий, повернулся и встретился взглядом с Тоба Фэном, стоящим за пределами зала.

Мужчина, одной рукой сжимая шею Саньбао, оттолкнул его и вошёл в опочивальню.

Юньци почти незаметно покачал головой, и Тоба Фэн остановился.

Юньци беззвучно прошептал «выйди», недовольно нахмурившись.

Тоба Фэн стоял на месте, слегка обеспокоенный. Он хотел что-то сказать, но Юньци поспешно показал ему знак замолчать. Тоба Фэн немного постоял за дверью, а затем развернулся и ушёл.

Чжу Ди, не открывая глаз, пробормотал:

— Фэн-эр вернулся?

Юньци промычал «угу» и отдал распоряжение:

— Саньбао, позови людей, чтобы помогли императору устроиться на отдых.

Чжу Ди держал руку Юньци, а тот тихо сказал:

— Государь, великий учитель Яо всё ещё ждёт снаружи. Позднее, возможно, советники снова соберутся стоять на коленях у Полуденных ворот...

Чжу Ди ответил:

— Хорошо, можешь идти.

Юньци поклонился и отступил, выйдя из зала. Тоба Фэн быстрыми шагами догнал его и недовольно спросил:

— Чем ты только что занимался?

Юньци раздражённо ответил:

— Зашивал ухо императору.

Тоба Фэн сказал:

— О, ногами зашивал? В обнимку?

«...»

Юньци сменил тему:

— Как дела в доме Фан Сяожу?

Тоба Фэн рассказал о том, как отвёл Фан Юя в Терем Танцующего Дыма. Юньци кивнул и со вздохом произнёс:

— Когда зять завтра проснётся, роду Фан, скорее всего, придет конец.

Тоба Фэн внимательно некоторое время оглядывал Юньци, и тот сердито спросил:

— Чего смотришь?

Тоба Фэн вдруг выпалил:

— Хочу сына.

Юньци опешил:

— Что ты имеешь в виду?

Тоба Фэн задумался, явно с большим трудом подбирая выражения. Через некоторое время Юньци с укором спросил:

— Жениться собрался?

Тоба Фэн долго взвешивал слова, пока шёл рядом с Юньци. Наконец он сказал:

— Нет... кстати, Юньци, твоя старшая сестра умерла, второй брат вернулся в родные края. А среди трех видов сыновнего непочтения к родителям самый тяжкий грех — отсутствие потомства...

Юньци вспомнил о Сюй Вэнь, и глаза его вновь покраснели.

Тоба Фэн поспешно замахал руками:

— Ладно, не будем об этом. Ши-гэ был неправ.

Юньци процедил:

— Тогда женись сам, а меня оставь в покое.

— Послушай меня...

— Уйди! — крик Юньци прозвучал, словно раскат грома.

Тоба Фэн застыл на месте. Юньци метнул свой клинок Чаньи, вцепился в резные перила зала и резко дёрнул. В мгновение ока в галерее загремели фарфор и деревянные стойки. Всё рухнуло и разбилось, усеяв пол осколками.

Шум потревожил множество служанок и евнухов. Десятки людей сбежались, но, увидев, что ссорятся командир Цзиньивэй и командующий дворцовой стражей, никто не осмелился приблизиться, наблюдая лишь издалека.

Тоба Фэн провожал взглядом удаляющегося Юньци и, при всех этих слугах, воскликнул:

— Юньци! Не уходи!

Тень Юньци скрылась за поворотом, и Тоба Фэн снова закричал:

— Я хотел, чтобы ты женился и завёл сына... Юньци!

Юньци не слышал. Как только он завернул за коридор, он пустился бежать, задыхаясь. В конце концов он споткнулся и остановился перед другим человеком.

В глазах у Юньци потемнело, и он услышал голос Чжу Цюаня:

— Юньци?!

Юньци с трудом опёрся на колени и махнул рукой. Переведя дыхание, он почувствовал, как Чжу Цюань обнял его за плечи.

— Что случилось? — озабоченно спросил Чжу Цюань.

Юньци прижал руку ко лбу, прислонился к колонне беседки и медленно опустился на землю.

Чжу Цюань произнес:

— Я только что слышал, что вы с братом-императором ходили в дом семьи Фан.

Юньци ответил:

— Боюсь, Фан Сяожу ждет конфискация имущества и истребление рода.

Чжу Цюань вдохнул и сказал:

— Я как раз обсуждал этот вопрос с великим учителем Яо. Сейчас пойду уговаривать брата-императора.

Юньци сказал:

— Не стоит. Он не выживет. Кто бы ни пошёл, результат будет тот же.

Чжу Цюань серьёзно произнёс:

— Фан Сяожу — семя образования Поднебесной...

Юньци усмехнулся:

— И кто сказал, что учёные ни на что не годны? Это «семя образования» сумело откусить императору половину уха.

Чжу Цюань благоразумно замолчал.

Ма Саньбао поспешно выбежал в императорский сад и остановился неподалёку.

Юньци понял, что тот пришёл сообщить о состоянии Чжу Ди, и поднялся, собираясь уйти.

— Через три дня я устрою в своей резиденции пир, — вдруг улыбнулся Чжу Цюань.

— Приглашаю шурина императора и командующего испить вина и послушать оперу. Придёте?

Юньци тяжело вздохнул и спросил:

— Что за повод? Такой праздничный настрой... — не закончив фразу, он вдруг вспомнил, что через несколько дней будет Праздник середины осени, и кивнул: — Как раз кстати, мне тоже есть что тебе сказать.

Чжу Цюань снова спросил:

— Фан Сяожу конец?

Юньци кивнул:

— Не думай больше об этом. Ему конец.

Они попрощались на берегу озера Сюань, и, обменявшись этими последними словами, разошлись в противоположные стороны.

Однако больше всего Юньци застало врасплох то, что Фан Сяожу ждал не просто «конец». Лишь спустя несколько дней, когда Чжу Ди успокоился и приступил к рассмотрению дела Фан Сяожу, Юньци по-настоящему увидел совершенно другого Чжу Ди.

— После праздника переносим столицу. Все, можете идти, — сказал Чжу Ди. — Решение чжэня окончательно. Довольно разговоров, мы не можешь больше медлить.

В императорском кабинете один из старых сановников всё ещё возражал:

— Государь! Осталось еще множество сложных вопросов, касающихся храма предков. Умоляю Ваше Величество трижды подумать...

Чжу Ди холодно ответил:

— Это то, о чём, на самом деле, вам следует позаботиться после возвращения! Если не перенесём столицу, монголы скоро перейдут Великую стену! Вон!

Несколько гражданских чиновников тут же почувствовали трепет в сердце и поспешили откланяться.

Чжу Ди с презрением произнёс:

— Книжники навлекают беду на государство.

Юньци рассеянно смотрел на доклад на столе, в котором говорилось о частых вторжениях остатков армии Северной Юань на северные границы. Чжу Ди уже направил двести тысяч войск в сторону Пекина, а через месяц, собрав силы всей страны, перенесёт столицу в Пекин, чтобы лично начать решающее сражение с семьёй Хубилай.

«Лишь он обладает такой отвагой», — подумал про себя Юньци. Будь на его месте Чжу Юньвэнь, тот никогда бы не дошел до «Сын Неба защищает границы государства».

Чжу Ди продолжил:

— В начале весны следующего года чжэнь планирует лично возглавить поход. Тогда возьму тебя с собой развлечься.

Юньци фыркнул со смеху:

— Лично возглавить поход — это развлечься?

В глазах Чжу Ди светилась улыбка, когда он невозмутимо произнёс:

— Пока с тобой чжэнь, для тебя это и будет развлечением. Разве ты умеешь воевать?

Чжу Ди добавил:

— В этом году государственные экзамены перенесены на одиннадцатый месяц, уведомления уже разослали по всей стране. Тогда отберем несколько талантов... сформируем канцелярию, и не придется так много трудиться.

Юньци понимающе улыбнулся:

— Государь обладает широким кругозором и служит примером для всей Поднебесной...

— Нет, — холодно возразил Чжу Ди. — Чжэнь изначально не планировал миловать Фан Сяожу.

Сердце Юньци сжалось от ужаса.

Чжу Ди с лёгкой улыбкой произнёс:

— Как и просил этот человек, чжэнь казнит его десять родов.

Юньци вздрогнул:

— С древних времён казнили лишь девять родов, откуда взялось десять...

Чжу Ди безразлично ответил:

— Перебьём всех его учеников. Всех, кто учился в его школе или числился в ней, — всех обезглавить.

— Государь! Ни в коем случае! — Юньци побледнел от испуга. Поспешно подобрав полы одежды, он опустился на колени и поклонился: — Ученики Фан Сяожу разбросаны по всей Поднебесной. Если создать такой прецедент, то погибнут по меньшей мере тысячи людей!

Краем глаза Юньци заметил, как драконий сапог Чжу Ди ритмично застучал, словно тот задумался.

— Тысячи людей? — тон Чжу Ди прозвучал крайне заинтересованно. — Значит, в таком случае двор очистится...

— Зять! — Юньци не смел поднять голову и опустил лоб к полу.

Чжу Ди поднял ногу, подставив сапог между лбом Юньци и каменной плитой, так что тот не смог коснуться головой земли.

Чжу Ди слегка надавил ногой, заставив Юньци немного поднять голову, и невозмутимо произнёс:

— Сын Фан Сяожу исчез?

В императорском кабинете воцарилась гробовая тишина.

Чжу Ди отложил доклад, взял кисть и обмакнул её в тушь, одной ногой всё ещё подпирая лоб

Юньци. Юньци, застывший в неудобном положении, чувствовал сильное смущение.

— Шурин императора, — вздохнул Чжу Ди. — Тяжела служба в Цзиньвэй, ох как тяжела! Ещё и приходится за сановников заступаться.

Юньци не знал, как ответить. Собрав волю в кулак, он тихо произнёс:

— Государь, Фан Сяожу — семя образования Поднебесной...

Чжу Ди холодно сказал:

— Яо Гуансяо тоже так говорил, и Чжу Цюань. — Вдруг он резко сменил тему: — Пусть Чжэн Хэ поможет тебе с делами. Одному всё тянуть в конце концов непосильно...

С этими словами Чжу Ди кистью начал делать пометки на докладе и добавил:

— Хороший, вставай.

Чжу Ди положил кисть, тёплые пальцы коснулись лица Юньци, и тому пришлось медленно подняться.

Чжу Ди между делом спросил:

— Вечером собираешься на ужин к семнадцатому брату?

Юньци ответил:

— Да... Государь тоже пойдёт? — Он внезапно ощутил необъяснимое чувство отчуждения рядом с Чжу Ди.

Чжу Ди сказал:

— Иди первым. Чжэнь придет, когда закончит просматривать доклады.

— Вон! — Чжу Ди взмахнул рукой, словно прогоняя его. Юньци не знал, плакать ему или смеяться. Он хотел сказать что-то ещё, но Чжу Ди уже изменился в лице, поэтому пришлось пристыжённо уйти.

«Чжу Ди узнал о Фан Юе? — Юньци размышлял на ходу. — Что значит «Пусть Саньбао поможет с делами»?

Во дворе Цзиньвэй уже накрыли стол к ужину. Вернувшись во двор, Юньци остановил Ту Мина и спросил:

— Лао Ба не вернулся домой?

Ту Мин усмехнулся:

— Лао Ба? Я что-то не помню, чтобы его дом был здесь. Разве командующему дворцовой стражей не положено жить в резиденции за пределами дворца?

Юньци заметил на столе три пустых набора приборов и насмешливо бросил:

— Всё ещё упрямитесь? Для кого же выставлены эти миски и палочки?

Кто-то с улыбкой ответил:

— Один набор для тебя, один — для Жун-гэ-эра, один — для Цинь-гэ-эра.

Юньци не знал, как ответить, и тут другой стражник громко рассмеялся:

— Юнь-гэ-эр, разве вчера все во дворце не говорили, что командующий женится? Сколько же денег на поздравление...

— Хватит нести чушь, заткнитесь, — раздражённо буркнул Юньци. Заходя в комнату, он распорядился: — Братья, ешьте сами, мне нужно выйти из дворца по делам.

Цзиньвэй тут же загудели, словно бурлящий котел. Все отложили палочки, и лица их выражали досаду.

— Сколько лет мы, братья, не праздновали вместе? Сам скажи, Юнь-гэ-эр... — тут же кто-то поднёс вино для тоста.

Юньци не смог отказаться и вынужден был выпить. Цзиньвэй развеселились ещё сильнее. Они подходили по одному с тостами, заставляя Юньци осушать чашу за чашей, и только тогда отпустили его.

Юньци выпил натошак, да ещё и дорогого вина, поэтому походка его стала шаткой. В одиночестве мужчина вышел за пределы императорского дворца, присел у стены, и его сильно вырвало. Поплакав немного, он вытер лицо. Перед глазами то темнело, то светлело, пока он брёл по улице.

Что же происходит с глазами? Юньци чувствовал, что окружающие предметы то расплывались, то прояснялись, а иногда становились совсем тёмными. Изначально он думал, что это головокружение от переутомления, но теперь, спустя больше полугода после Войны ради преодоления трудностей, проблемы со зрением участились.

Чжу Цюань устроил пир в своей резиденции, накрыв лишь один стол на четыре места. На нижнем месте для гостей сидел Яо Гуансяо. Как только Юньци вошёл, музыка в зале стихла.

— Юньци...

— Эй, шурина императора! — громко окликнул его Яо Гуансяо.

Юньци кивнул, затем прищурился и сильно покачал головой.

Увидев нездоровый цвет лица Юньци, Чжу Цюань поспешил поддержать его. Юньци почувствовал тошноту в груди, его вырвало прямо на Чжу Цюаня, и, пьяный, он упал без сил.

Яо Гуансяо испуганно воскликнул:

— Что случилось с шурином императора?

Чжу Цюань махнул рукой, показывая, что всё в порядке, и сказал:

— Великий учитель, прошу, чувствуйте себя как дома.

С этими словами он отвёл Юньци во внутренние покои, чтобы уложить его.

Юньци, так долго изнуряющий себя, больше не мог держаться и, лёжа на кровати Чжу Цюаня, погрузился в глубокий сон.

Чжу Цюань, едва взглянув на Юньци, понял, что тот пил на пустой желудок и переутомился. Он поспешно велел зажечь в комнате успокаивающие благовония и приготовил горячую воду и полотенце. Расстегнув воротник Юньци, он тщательно протёр ему шею и положил в рот кусочек женьшеня. Неизвестно, сколько времени спустя, Юньци с мучительной головной болью открыл глаза.

— Который час?

Чжу Цюань наклонился к окну и сказал:

— Луна уже взошла над верхушками ив. Отдохни ещё немного.

Юньци, усмехнувшись, ответил:

— Извини, из-за меня ты даже не смог выпить.

Только тогда Чжу Цюань поднялся. Сменив одежду на белоснежный халат, он распахнул дверь и вышел во двор. Сразу же ворвался опьяняющий аромат османтуса, наполняющий весь сад.

— Сильно устал за последнее время? — стоя в саду, с улыбкой спросил Чжу Цюань.

Юньци вздохнул:

— Устал душой. Государь приходил?

Чжу Цюань сказал:

— Нет, и Фэн-эр тоже. В зале по-прежнему сидит только великий учитель Яо, наливает себе и пьёт.

Юньци застегнул воротник и медленно вышел во двор. В это время высоко в небе висела полная луна, и ее серебристый свет разливался на тысячи ли. Звёзды скрывали свое сияние, а османтус в саду плавно покачивался на лёгком ветру.

Юньци стоял под деревом. Протянув руку, чтобы сорвать цветок османтуса, он пробормотал:

— В тот год на праздник я выпросил у шинян вырезать для моей старшей сестры шпильку... в форме именно этой ветки османтуса.

— Цветы раскрылись — так скорей сорви их, Не жди, пока на ветви уж не будет ничего*, — с улыбкой произнёс Чжу Цюань. Достав что-то из рукава, он повернулся, чтобы передать это Юньци.

* Строки из стихотворения «Золотая парча» (□□□) неизвестного поэта эпохи Тан. Перевод: @wanglaoshiblog.

Юньци взял нефритовую шпильку, кивнул и сказал:

— Да, это эта.

— Юньци, — медленно начал Чжу Цюань. — Мы с великим учителем Яо от имени всех учёных мужей Поднебесной просим тебя об одолжении.

Пока Юньци разглядывал нефритовую шпильку между пальцев, в его сознании проносились образ и голос покойной Сюй Вэнь. Он тихо ответил:

— Я не смогу. Он уже не тот зять, что был раньше.

Чжу Цюань вдруг сказал:

— Завтра я уезжаю.

Юньци спросил:

— Куда?

Чжу Цюань ответил:

— Странствовать по миру. Где остановлюсь, там и будет мой дом.

Юньци нахмурился:

— Как ты можешь уехать? Во время Войны ради преодоления трудностей ты и он...

Чжу Цюань усмехнулся:

— Я ждал его всю ночь, а он до сих пор не пришёл. Если он не придёт, мне придётся уйти.

Юньци не удержался и сказал:

— Наверное, он забыл. Я вернусь во дворец.

Чжу Цюань спросил снова:

— Ты думаешь, даже если он придёт, он выполнит прежнее обещание и разделит со мной страну пополам?

Юньци глубоко вздохнул, а Чжу Цюань снова усмехнулся:

— Я изначально и не собирался претендовать на его государство, просто хотел поучаствовать в веселье. А теперь хочу попрощаться с ним, а он не приходит, словно боится, что я его обману.

— На берегу Янцзы ты просил дашисюна помочь тебе в одном деле, и я это сделал. Теперь очередь дашисюна просить тебя о помощи. Согласен или нет?

Юньци, вспомнив прошлое, кивнул.

Чжу Цюань продолжил:

— После того, как закончишь, отправишься завтра со мной?

Юньци сразу отказался:

— Нет.

Он тихо сказал:

— Мой ши-гэ собирается жениться... я его единственный родной человек. Я не могу отсутствовать в ночь свадьбы.

Чжу Цюань кивнул и молча пригласил Юньци во внутренние покои, собственноручно открыв шкатулку:

— Я в тайне от него привез это из Пекина.

В шкатулке лежал отрезок чёрной как смоль парчи. Чжу Цюань усадил Юньци перед зеркалом, повернул его голову и стал внимательно разглядывать его лицо.

Юньци все понял.

Чжу Цюань достал маленькую шкатулку и сказал:

— Этим тоже пользовалась четвёртая невестка. Не плачь потом, чтобы не смазать румяна.

Юньци усмехнулся:

— Не буду. Как можно плакать в праздник?

Чжу Цюань улыбнулся и кивнул. Он растёр мизинцем румяна и лёгкими движениями нанёс их на лицо Юньци, затем взял бумагу для губ* и велел ему сжать её.

* Бумага для губ (口脂) — тонкая бумага, пропитанная красящим пигментом (обычно красного или розового цвета), которую использовали для окрашивания губ.

— Ты своей жене... тоже часто подводишь брови и красишь румянами? — поддразнил его Юньци.

Глядя в глаза мужчины, Чжу Цюань улыбнулся. Он взял тушь и, придерживая рукав, лёгкими штрихами нарисовал брови, со вздохом произнеся:

— Вы с сестрой оба прекрасны.

— Знаешь, что потом сказать? — снова спросил Чжу Цюань.

Юньци закрыл глаза. На его белом лице проступил лёгкий румянец, и ресницы в свете лампы отбрасывали туманные тени.

Юньци ответил:

— Знаю.

Юньци смотрел на себя в зеркале. Эти брови и глаза отдаленно напоминали облик Сюй Вэнь. Не удержавшись, он улыбнулся своему отражению:

— Старшая сестра.

Рука Чжу Цюаня, лежащая на плече Юньци, слегка сжалась, и Юньци продолжил:

— Я иду на это дело не ради народа Поднебесной, а ради него.

Чжу Цюань спросил:

— Почему?

Юньци спокойно ответил:

— В день смерти моей сестры они как раз поссорились. Этот узел в конце концов нужно как-то развязать. Нельзя, чтобы он всю жизнь давил ему на сердце

На лицо Юньци нанесли лёгкий макияж, и его тёмные шелковистые волосы ниспадали водопадом, собранные лишь одной нефритовой шпилькой с османтусом. Чёрный парчовый

наряд подчеркивал его белую, словно яшма, кожу шеи.

Карета остановилась у задних ворот императорского дворца.

— Кто там?!

Юньци протянул табличку через занавеску кареты. Патрульным из Цзиньвэй оказался Сунь Тао. Он улыбнулся:

— Юнь-гэ-эр? Почему ты тоходишь, то выходишь...

С этими словами он приподнял занавеску кареты, собираясь залезть внутрь, и лицом к лицу столкнулся с Юньци.

— Призрак!!

Сунь Тао мгновенно перепугался до полусмерти, выкатившись из кареты.

— Это я! — не зная, плакать или смеяться, отругал его Юньци. — Не ори попусту!

Сунь Тао, ещё не оправившись от испуга, взглянул на Юньци и снова не мог унять дрожь. Неясно, боялся ли он призрака или Сюй Вэнь. Стражник удивлённо произнёс:

— Ты... Юнь-гэ-эр, твой наряд...

Юньци вышел из кареты и засучил рукава, уперев руки в боки. Он покачал головой и спросил:

— Похоже? Иду пугать императора.

— При... призрак!

— Мама! Призрак!

— Заткнитесь, заткнитесь! Это я! — отчитал их Юньци.

Юньци, приняв нежный и добродетельный вид, прошёл через императорский сад. Все евнухи и служанки, встречавшиеся по пути, при виде него тут же поднимали вой. Неизвестно, скольких он напугал до мокрых штанов.

— Чего ты смеёшься? — Тоба Фэн с подозрением посмотрел на Сунь Тао.

Сунь Тао прислонился к воротам Сюанью, скрестив руки на груди. Всё ещё посмеиваясь, он ответил:

— Лао Ба, как ты сюда попал?

Тоба Фэн в ответ спросил:

— Где Юньци? Я ищу уже весь вечер. Его нет ни во дворе, ни во дворце, ни снаружи, нигде не могу его отыскать.

Сунь Тао поддразнил его:

— Лао Ба, ты жениться собрался?

Тоба Фэн прищурился, и Сунь Тао тут же вздрогнул, почувствовав, как на него накатила волна убийственной ауры. Дрожа, он проговорил:

— Юнь-гэ-эр... эм, у государя. Он ушёл недавно, так что если ты пойдёшь сейчас, то ещё сможешь его догнать.

Тоба Фэн больше не обращал внимания на Сунь Тао и быстрыми шагами бросился вдогонку.

Евнухи по обе стороны у входа в покои замерли в недоумении. Юньци сделал жест «тише» и сказал:

— Не нужно докладывать.

Он стоял у входа в опочивальню и долго размышлял, продумывая в уме слова, которые хотел сказать. Затем он толкнул дверь в покои и вошёл внутрь.

Там никого не было. Неизвестно, куда ушел Чжу Ди.

Юньци почесал голову. Разглядывая себя перед большим медным зеркалом, он вдруг заметил в нем отражение Тоба Фэна, стоящего у двери.

За пределами покоев тучи скрыли луну. Внутри было пусто и тихо, сквозь зал проносился холодный ветер.

За последние дни оба так и не обменялись ни словом. Юньци видел, что Тоба Фэн запыхался с бегу. Скорее всего, долго искал его во дворце. Он вздохнул, повернулся и собирался заговорить с ним.

Тоба Фэн застыл, глядя на Юньци, а через мгновение его колени подкосились, и он с глухим стуком опустился на пол.

Юньци: «...»

Тоба Фэн, дрожа, выложил всё начистую:

— Я... это... старшая сестра, матушка, я правда... не собираюсь жениться...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326105>